

Налицо в „Казанской истории“ топографически и этнографически точное описание местностей и народностей, населяющих их. Город Свияжск был построен русскими на земле черемис. Автор объясняет: „Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка три, 4 язык варварский“ (черемисы, не принявшие мусульманскую веру). Луговая черемиса включает в себя „черемису кокшайскую и ветлужскую“. Автор знает множество татарских поверий, толкований снов, местных легенд и сказок. Все это с несомненностью убеждает нас в том, что автор „Казанской истории“ действительно жил в Казани и описал многое по личным наблюдениям.

Следует отметить возрастающую полноту сведений автора о Казани в части, относящейся ко времени царствования Василия III и особенно Ивана Грозного. Если в описании истории возникновения Казанского ханства автор сообщает только общие сведения, то, начиная с описания событий первой четверти XVI века, рассказ его становится подробным, мотивированным, сообщаящим ценные сведения, подтверждаемые косвенными русскими источниками (рассказ о „ладейной рати“ 1524 года, о взятии острога по реке Булаку русскими войсками в 1530 году, об участии армян и других иноземцев на стороне русских в обороне Казани и т. д.), но не находящие себе соответствия ни в одном летописном сборнике. Так, автор подтвердил часть своей биографии, сообщенной им в первой главе „Казанской истории“.

Итак, нет оснований не доверять тому, что автор был взят в плен казанцами, обращен в мусульманство, двадцать лет (с 1532 по 1552 г.) жил в Казани (эти годы как раз заполнены самыми подробными описаниями событий), был близок к верхушке казанского общества, а во время взятия города русскими войсками вышел „ис Казани на имя цареве Московского“.

Но можно ли отождествлять этого освобожденного пленника с „попом Иоанном Глазатым“? Сомнение в духовном звании пленника вызывает уже тот факт, что он получил от Ивана Грозного „мало земли уделом“, т. е. поместье, как рядовой дворянин, и „нача служить ему верно“. Трудно совместить с представлением о церковнослужителе XVI века и терпимое отношение автора „Казанской истории“ к мусульманским поверьям, не раз обнаруживаемое им в изложении. Однако для полной характеристики облика автора необходимо учитывать все данные „Казанской истории“, выясняющие круг интересов его после выхода из Казани до времени написания „Казанской истории“ (т. е. не ранее 1564 года).

„Казанская история“ раскрывает перед нами огромное количество фактов, известных ее автору из самых разнообразных письменных источников. Безусловно были известны и использованы автором „Казанской истории“ русские летописи:<sup>1</sup> „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“, Никоновская летопись и в том числе ее Синодальный список с пометками на полях неизвестного лица, раскрывающего роль воевод в период малолетства Ивана Грозного, Московский свод 1479 года, Новгородская IV летопись, Воскресенская летопись, Софийская II и Львовская летописи, возможно Московский свод 1518 года, Хронограф 1512 года русской редакции. Автор прямо ссылается на этот круг его источников: „яко пишут Русти

<sup>1</sup> Анализу летописных источников „Казанской истории“ нами посвящена глава диссертации, в которой мы выясняем вопрос о том, какими именно летописями пользовался автор „Казанской истории“ и с какими целями.